

Стивен Кинг
«Мобильник» (Cell)

Автор перевода: Локи

Сохранение системы

1

Клай стоял посреди шоссе 160, в том месте, куда в солнечный день падала бы тень от щита, и смотрел на задние огни, пока те не исчезли из виду. Мысль, что он никогда больше не увидит Тома и Джордана, его не потрясала (розы увядают, нашептывал ему внутренний голос), но он не позволял ей вырасти в предчувствие. Ведь они дважды шли вместе, и разве люди не говорят, «Бог троицу любит».

Проходящий фонарь толкнул его – человек с запекшейся кровью с одной стороны лица, первый раненый беженец с выставки северных округов, которого он увидел. Он увидел бы больше, если б не опередил их, двинувшись по шоссе 160 на юг. У него не было веской причины думать, что его ребенок ушел на юг, но он надеялся, что какие-то остатки сознания Джонни – его прежнего сознания – подскажут, что его дом лежит в этом направлении. К тому же, это направление Клай знал.

Около полумили южнее прилегающей дороги он столкнулся с другим фонарем, на этот раз – женщиной, которая быстро шагала взад-вперед через автостраду, как капитан по палубе корабля. Она осмотрела Клая с таким пристальным вниманием, что он поднял руки, готовый схватиться, если она нападет.

Но этого не произошло.

- Хо ал-Па? – спросила она, и в его мозгу достаточно четко прозвучало: *Кто упал? Папа, кто упал?*

- Я не знаю, – ответил он, успокоившись. – Я не видел.»

- Хэ а? - спросила она, вышагивая яростней, чем раньше, и внутри сознания он услышал: *Где я сейчас?* Он не попытался ответить, но мысленно вспомнил о Фее Темной, спрашивающей: *Кто вы? Кто я?*

Клай ускорил шаг, но, видимо, недостаточно. Вышагивающая женщина крикнула вслед, заставив похолодеть:

- Фе Тэ Хоэ?

И сознанием он услышал эхо вопроса: *Фея Темная - кто это?*

2

В первом доме, куда он вломился, не было никакого оружия, но он нашел фонарик на батарейках, и освещал теперь всякого встречного фонера, каждый раз задавая один и тот же вопрос, пытаюсь в то же время направить его своим сознанием как слайд через диапроектор на экран: *Вы не видели мальчика?* Он не получал ответов, и слышал только угасающие обрывки мыслей в своей голове. Во втором доме он нашел превосходный пикап «Додж Рэм» на выездной дорожке, но не осмелился его взять. Если Джонни шел пешком по этой дороге, он тоже пойдет. Если он поедет, даже медленно, то может пропустить мальчика. В кладовке он нашел консервированную ветчину «Дэйзи», открыл приложенным к банке ключом и жевал на ходу. Он хотел выкинуть остатки в кусты, когда наелся, но увидел пожилого фонера, стоящего у почтового ящика и глядящего на него печальными голодными глазами. Клай предложил ему ветчину, и старик взял. Затем, говоря медленно и отчетливо, пытаюсь мысленно нарисовать Джонни, Клай спросил:

- Вы не видели мальчика?

Старик прожевал окорок. Сглотнул. Как будто задумался. Сказал:

- Иди сла.

- Сла, - повторил Клай. - Ладно. Спасибо.

И пошел дальше.

В подвале третьего дома, около мили южнее, он нашел винтовку калибра 30-30 с тремя коробками зарядов. В кухне, на стойке обнаружился телефон, стоящий на зарядной базе. Зарядник, конечно, не работал, но когда он нажал кнопку телефона, тот пискнул и включился без промедления. Заряд был на одном делении, но это не удивило его. Индикатор приема находился на самом краю шкалы.

Он было устремился к двери, с заряженным ружьем в одной руке, фонарем в другой и мобильником, засунутым за ремень, когда простое изнеможение настигло его. Он покачнулся в сторону, словно ударенный мягким молотом. Он хотел идти дальше, но все доводы, какие только мог привести усталый мозг, сводились к тому, что прямо сейчас он должен выспаться и, возможно, это было разумно. Если Джонни здесь нет, тем больше шансов, что он тоже спит.

«Выключаем дневное передвижение, Клейтон», пробормотал он. «Ты ведь не собираешься искать чертово дерьмо с фонарем посреди ночи.»

Это был небольшой домик – домик пожилой пары, подумал он, судя по фотографиям в гостиной, и по единственной ванной, и по поручням около унитаза в этой единственной ванной. Кровать была аккуратно застелена. Он лег поверх покрывала просто скинув обувь. И пока он лежал, изнеможение давило, как груз. Он не мог вообразить, что заставило бы его подняться. В комнате стоял запах – сашэ пожилой женщины, подумал он. Бабушкин запах, который казался таким же уставшим, как он сам. Тут в тишине, побоище на выставке казалось далеким и нереальным, как сюжет комикса, которого он никогда не напишет. Слишком отвратительного. *«Верен Черному страннику, – сказала бы Шарон, его прежняя сладкая Шарон. – Верен своим ковбоями Апокалипсиса.»*

Сознание, казалось, поднялось и парило над телом. Оно обратилось – лениво, без спешки, к ним троим, стоящим у фургона водоочистки Тайко, как раз перед тем, как Том и Джордан залезли внутрь. Джордан повторял то, что уже говорил в Гейтане – человеческий мозг на самом

деле просто большие старые жесткие диски, и Импульс стер с них всю информацию. Джордан говорил, что Импульс подействовал на человеческий мозг как ЭМИ

(прим.: EMP – Electromagnetic Pulse, электромагнитный импульс) .

«Не осталось ничего, кроме системного ядра, – сказал Джордан. – И ядром было убийство. Но так как мозг – органический жесткий диск, то он стал самовосстанавливаться. Перезагружаться. Только в коде сигнала был системный сбой. Я не уверен, но думаю, что стадное поведение, телепатия, левитация, все это появилось благодаря сбою. Сбой был с самого начала, и он сыграл роль в перезагрузке. Следите за мыслью?»

Клай кивнул. Том тоже. Мальчик смотрел на них, лицо, забрызганное кровью, было усталым и серьезным.

«Но сейчас Импульс передается постоянно, верно? Потому что где-то есть компьютер, работающий на аккумуляторах и продолжающий эту программу. Программа испорчена, и сбой в ней продолжает мутировать. Благодаря какой-нибудь случайности, сигнал может оборваться или программа, возможно, составлена таким образом, что он прекратится. Хотя, пока еще.. может быть, ты еще можешь использовать ее. Я сказал – может быть, понимаешь? Главный вопрос – выполняет ли мозг то, что выполняют хорошо защищенные компьютеры, когда их атакует ЭМИ.»

Том спросил, о чем речь. Джордан слабо улыбнулся.

«Они сохраняют систему. Все данные. Если с людьми все было именно так, и если ты сотрешь телефонную программу, возможно перезагрузить исходную прошивку.»

«Он имеет ввиду восстановление человеческой прошивки, – пробормотал Клай в темной спальне, вдыхая слабый сладкий аромат сашэ. – Человеческая прошивка, набор программ, сохраненный где-то глубоко внутри. Полностью.» Он засыпал, уносимый прочь. Он надеялся, что если увидит сон – это будет не побоище на выставке северных округов.

Последнее, о чем он подумал, прежде чем заснуть: возможно, спустя долгое время, фонеры начнут улучшаться. Да, они были рождены в жестокости и ужасе, но рождение всегда трудно, часто жестоко, и иногда ужасно. Однажды они начали собираться в стаи и объединять сознания; и жестокость сошла на нет. Насколько он знал, на самом деле они не собирались воевать с норми, если не считать военным действием продуманное насильственное обращение; ответные удары, последовавшие за уничтожением стай, были отвратительны, но совершенно понятны. Если их оставить в покое, они смогли бы в конце концов стать лучшими хранителями земли, чем так называемые норми. Уж они-то не бросятся, сломя голову, покупать жрущие бензин внедорожники – с их способностью к левитации (а также достаточно примитивными потребительскими аппетитами). Черт, даже их музыкальный вкус в конце концов улучшился.

«Но какой выбор у нас был? – подумал Клай. – Выживание – как любовь. Оба слепы.»

Наконец, сон одолел его, и ему не снилось кровопролитие на выставке. Приснилась палатка бинго, и когда ведущий объявил: «В-12 – Это витамин солнечного света!» – он почувствовал, как кто-то тянет за штанину. Он посмотрел под стол, и там был улыбающийся Джонни. Где-то зазвонил телефон.

3

Но не вся жестокость вышла из фонеров, как и не оставили их скрытые способности. Около полудня следующего дня, холодного и сырого, с предвкушением ноября в воздухе, Клай остановился посмотреть на двух беженцев, яростно дерущихся она обочине дороги. Они бились на кулаках, царапались, и наконец, сцепились вместе, бодаясь головами и колотя друг друга по щекам и шеям. При этом, они начали постепенно подниматься над дорогой. Клай смотрел с отвисшей челюстью, как они достигли высоты около десяти футов, не переставая драться, с раздвинутыми ногами, как будто опиравшимися на невидимый пол. Затем один из них погрузил свои зубы в нос противника, одетого в оборванную запятнанную

кровью футболку с надписью ТЯЖЕЛОЕ ТОПЛИВО. Носокусатель оттолкнул ТЯЖЕЛОЕ ТОПЛИВО. ТЯЖЕЛОЕ ТОПЛИВО покачнулся и, как камень, свалился вниз. Кровь брызнула вверх его сломанного носа, пока он падал. Носокусатель посмотрел вниз, казалось, впервые осознав, что он находится на высоте третьего этажа и свалился сам. Как Дамбо, потерявший свое волшебное перо, подумал Клай. Носокусатель вывихнул колени и лежал в пыли, губы растянуты над окровавленными зубами, рыча на прошедшего Клая.

Все же эти двое были исключением. Большинство фонеров, которые попадались Клаю (норми не встречались совсем, ни в этот день, ни всю следующую неделю) казались потерянными и озадаченными, без признаков какого-либо стадного сознания, способного поддержать их. Клай снова и снова думал о том, что сказал Джордан перед тем, как вернуться в фургон и направится в северные леса, где не существовало сотового покрытия: *«Если червь продолжает мутировать, то новые обращенные не станут ни фонерами, ни норми.»*

Клай подумал, что они мыслят так же, как Фей Темная, только зашли в этом немного дальше. *Кто я? Где я?* Он мог видеть эти вопросы в их глазах, и он подозревал – нет, знал – это были вопросы, которые они пытались задать, когда несли свою тарабарщину.

Он продолжал спрашивать: *«Не видели ли вы мальчика»*, и пытался посылать изображение Джонни, но не надеялся на осмысленный ответ. Большею частью он вообще не получал никакого ответа. На следующую ночь он остановился в трейлере около пяти миль севернее Герливилла и на следующее утро немногим позже девяти заметил маленькую фигуру, сидящую на обочине тротуара около герливиллского кафе, посреди одноэтажного делового квартала.

«Этого не может быть», – подумал он, но прибавил шаг, и когда приблизился настолько, чтобы удостовериться – фигура принадлежала ребенку, а не просто малорослому человеку, он побежал. Новый рюкзак начал подпрыгивать вверх-вниз на спине. Его ноги нашли место, где кончался герливиллский короткий отрезок тротуара и загромыхали по проезжей части.

Это был мальчик.

Очень тощий мальчик с длинными волосами почти до плеч и в красной футболке «Red Sox».

- Джонни! - закричал Клай. - Джонни, Джонни-пони!

Мальчик, вздрогнув, обернулся на крик. Его нижняя челюсть безвольно висела. В глазах не было ничего кроме неопределенной тревоги. Похоже, он думал о том, чтобы драпануть, но прежде чем смог начать шевелить ногами, Клай налетел на него и покрыл поцелуями грязное апатичное лицо и безвольный рот.

- Джонни, - повторял Клай. - Джонни, я пришел за тобой. Я это сделал. Я пришел за тобой. Я пришел за тобой.

И в какой-то момент - возможно, просто потому, что человек, держащий его, начал кружить, мальчик положил руки на шею Клая и повис. И сказал что-то. Клай отказывался верить, что это просто пустые звуки, такие же бессмысленные, как свист ветра в горлышке жестяной банки. Это было слово. Возможно, «усаа» - как если бы мальчик пытался сказать «устал».

Или, возможно, «пусаа» - именно так, семнадцати месяцев от роду, он впервые назвал своего отца.

4

Слишком мало, чтобы судить, думал он неделю спустя. Один звук, который мог быть словом, одно слово которое могло значить «папочка». Теперь мальчик спал на раскладушке в чуланчике спальни. Джонни был помещен туда, потому что Клай устал выуживать его из-под кровати. Теснота, как материнская утроба, казалось, была вполне удобна для него. Возможно, это было частью превращения, которое претерпел и он, и другие. Частью какого-то перехода. Фонеры в Кашваке превратили его сына в пустого идиота, даже не набив для вида опилками.

Снаружи, под серым вечерним небом, сыпал снег. Холодный ветер разносил его по неосвященной главной

улице Спрингвила волнистыми змейками. Казалось, еще слишком рано для снега, но, разумеется, это не так, особенно на севере. Когда снег выпадает перед Днем Благодарения, это раздражает. Даже если перед Хэллоуином – раздражает все равно, и тогда кто-нибудь напоминает вам, что вы живете в Мэйне, а не на острове Капри.

Интересно, где сегодня могут быть Том, Джордан, Дэн и Дениз. Интересно, все ли будет в порядке у Дениз, когда придет время родов. Он подумал – возможно, она будет в порядке – стойкой, как вареная сова, та самая. Интересно, думают ли Том и Джордан о нем так же часто, как он думает о них, и скучают ли они так же сильно, как он по ним – по печальным глазам Джордана, по ироничной улыбке Тома. Он и в половину не нагляделся на нее; все, через что они прошли, было не таким уж веселым.

Интересно, была ли последняя неделя, проведенная с исковерканным сыном, самой длинной в его жизни. Он подумал, что ответ – да.

Клай посмотрел на мобильный телефон в руке. Он занимал его больше, чем все остальное. Сделать ли еще один звонок? Когда он включал его, на маленькой панели высвечивались три линии, три четкие линии, но он знал – заряд не вечен. Не мог он рассчитывать также, что Импульс будет транслироваться всегда. Аккумуляторы, посылающие сигнал на спутники (если произошло именно это, и все еще происходит) могут отказать. Или Импульс может преобразиться в простую несущую волну, в идиотское бурчание или высокий писк, который слышишь, если по ошибке звонишь на линию, подключенную к факсу.

Снег. Снег двадцать первого октября. Двадцать первое ли сегодня? Он потерял счет дням. Единственная вещь, которую он знал наверняка – фонеры будут умирать, с каждой ночью все больше. Джонни был бы одним из них, если б Клай не искал и не нашел его.

Вопрос в том, нашел ли он его?

Что он сохранил?

Лусаа

Папочка?

Может быть.

На самом деле, с тех пор ребенок не сказал ничего, даже отдаленно напоминающее слово. Он был готов идти с Клаем... но также был склонен брести в своем собственном направлении. Когда он так делал, Клай снова хватал его – как вы хватате малыша, который пытается ускакать с парковочной стоянки супермаркета. Каждый раз, когда Клай делал это, он не мог не думать о заводном роботе, которым играл, когда был ребенком, и как тот всегда брел своим путем куда-нибудь в угол, и стоял там, бесполезно перебирая ногами: вверх-вниз, пока не развернешь его к середине комнаты.

Джонни затеял короткую паническую борьбу, когда Клай нашел машину с ключом в замке зажигания. Но как только мальчик был пристегнут и заперт и машина покатилаь, Джонни снова затих и казался загипнотизированным. Он даже нашел кнопку, которая опускала стекло в окне и позволил ветру дуть в лицо, закрыв глаза и немного приподняв голову. Клай смотрел, как ветер треплет длинные грязные волосы сына, и думал: *«Господи, помоги мне, я как будто еду с собакой!».»*

Когда они вышли у дорожного рифа, который не могли объехать, и Клай помог Джонни выбраться из машины, он обнаружил, что сын обмочил брюки. Подумал мрачно: *«Вместе с речью он потерял свои навыки справления нужды . Боже правый!»* Так оно и оказалось. Но последствия были не так сложны или ужасны, как ожидал Клай. Теперь Джонни не умел ходить в туалет, но если остановиться и вывести его в поле, он справлял нужду, если в том была необходимость. Или приседал на корточки, если хотел. Сонно глядя в небо, он опорожнял свой кишечник. Возможно, отслеживая курс птиц, что летали там. Возможно, нет.

Без навыков справления нужды, но с навыками разрушения домов. И вновь Клай не мог не подумать о собаке, которую приобрел.

Только собаки не вопят, просыпаясь, в течение четверти часа посреди каждой ночи.

5

В ту первую ночь они остановились в доме недалеко от Ньюфилд трейдинг пост и когда раздался крик, Клай решил, что Джонни умирает. И хотя мальчик уснул у него на руках, его не было рядом, когда Клай, проснувшись, вскочил. Джонни больше не было на кровати, он был под ней. Клай залез туда – в пещеру, забитую скатавшейся пылью, с днищем кровати нависшем лишь в дюйме над головой, и схватил худое тело, похожее на железный рельс. Вопли мальчика были сильнее, чем могли бы произвести такие маленькие легкие, и Клай понял, что слышит их усиленными в своей голове. Все его волосы, даже на местах, доступных всеобщему обозрению, казалось, поднялись дыбом, став прямыми и жесткими.

Джонни вопил около пятнадцати минут, там, под кроватью, затем утих также внезапно, как и начал. Его тело расслабилось. Клаю пришлось прижать свою голову к боку Джонни (одна из рук мальчика каким-то образом сжала его шею в невозможно тесном пространстве) чтобы убедиться, что он дышит.

Он вытянул Джонни назад, расслабленного, как почтовый мешок, и уложил пыльное, грязное тело обратно в постель. Лежал рядом без сна почти час, прежде чем уснул сам. На утро он снова проснулся один. Джонни опять заполз под кровать. Как побитая собака, ищущая любое укрытие, какое может найти. Это казалось прямо противоположно поведению предыдущих фонеров... и, конечно, Джонни не был похож на них. Джонни был новым, помощи ему Бог.

6

Они расположились в заколоченном коттедже хранителя музея, рядом с лесным музеем Спрингвила. Еды там хватало, была дровяная печь и свежая вода из ручного насоса. Был даже биотуалет (хотя Джонни им не пользовался; он ходил на задворки). Все по последнему слову образца 1908 года.

Это было спокойное время, за исключением ночных приступов крика Джонни. У Клая была возможность подумать, и теперь, когда он стоял у окна гостиной и наблюдал, как метет снег на улице, пока его сын спал в маленьком убежище чулана, пришла пора осознать, что время размышлений закончилось. Ничего не изменится, если он ничего не изменит.

«Тебе нужен еще один телефон, - сказал Джордан. - И ты должен привести его туда, где есть покрытие.»

Тут было покрытие. Все еще. Полоски индикатора приема на телефоне подтверждали это.

«Главный вопрос - выполняет мозг или нет то, что выполняют хорошо защищенные компьютеры, когда их атакует ЭМИ, - сказал Джордан. - Они сохраняют систему.»

Сохраняют систему. Эта фраза несла в себе силу.

Но сперва требуется стереть программу фонеров, чтобы освободить место для такой высокотехнологичной перезагрузки, и идея Джордана - снова подвергнуть Джонни воздействию Импульса, подобно тушению пожара встречным огнем, казалась настолько ужасной, такой ошеломляюще опасной, учитывая факт, что Клай не имел никакого представления, какого рода программы сейчас представляет собой мутировавший Импульс...предполагая (делает задницы из тебя и меня, да-да-да), что он все еще существует и транслируется вообще.

«Сохранять систему», - прошептал Клай. Снаружи свет почти угас; скрипучий снег выглядел более призрачно, чем обычно.

Импульс изменился, он был уверен в этом. Он вспомнил первых фонеров, с которыми столкнулся ночью у здания добровольной пожарной команды Герливилля. Они дрались из-за старой пожарной машины. Но, кроме того, они говорили. Не просто издавая иллюзорное звуковоспроизведение, которое могло быть словами, а речь. Не много, не блестящий треп вечеринок с коктейлями, но это была настоящая речь, практически то же самое! *«Уходи». «Ты иди». «Черт, ты говоришь». И наиболее часто - «Мойбиль».*

Те двое отличались от первоначальных фонеров – фонеров Эры Порватого – и Джонни отличался от тех двоих. Почему? Потому что вирус все еще работает, программа Импульса все еще меняется? Возможно.

Последнее, что сказал Джордан, прощаясь и отправляясь на север: *«Если ты установишь новую версию программы на ту, что получили Джонни и другие первоначально, эти программы могут пожрать друг друга. Это то, что делают черви. Они пожирают.»*

И потом, если там будет старая программа... если система была сохранена...

Клай понял, что думает об Алисе – Алисе, которая потеряла мать, Алисе, которая нашла способ быть смелой, перенося свои страхи на детскую кроссовку. Покинув Гейтан, часа через четыре, на трассе 156, Том предложил другой группе норми присоединиться к их дорожному пикнику. *«Это они – сказал один из мужчин, – банда из Гейтана».* Другой отправил Тома в ад. И Алиса подпрыгнула. Подпрыгнула и сказала –

«Она сказала – по крайней мере, мы хоть что-то сделали, – вспоминал Клай, глядя на темнеющую улицу. А потом спросила – а что, вашу мать, сделали вы?»

Итак, это был ответ на его вопрос – вежливость мертвой девочки. Джонни-Пони не станет лучше. У Клая был выбор: смириться с тем, что есть, или попытаться это изменить, пока есть время. Если оно есть.

Клай воспользовался лампой, работающей от батарей, чтобы осветить путь в спальню. Дверь чулана была приоткрыта, и он мог видеть лицо Джонни. Во сне, лежа щекой на одной руке, со взъерошенными на лбу волосами, тот выглядел почти совсем как мальчик, которого Клай целовал, прощаясь, перед отъездом в Бостон с «Черным странником» в портфеле тысячу лет назад. Немного исхудавший, изменившийся, но почти такой же. Разницу замечаешь только когда он бодрствует: опущенные плечи и болтающиеся руки.

Клай открыл дверь чулана, и встал на колени перед раскладушкой. Джонни шевельнулся, когда свет от лампы упал на его лицо, и снова упокоился. Клай не был

набожным человеком, и события последних недель не то, чтобы сильно увеличили его веру в Бога, но он нашел сына, это так, и он послал молитву туда, где та могла быть услышана. Молитва была краткой и в самую точку: «Тони, ты пройдишь кругом, что потеряно – найдем!»

Он открыл крышку мобильного и нажал кнопку. Телефон негромко загудел. Янтарный свет осветил экран. Три полоски. Момент он колебался, набрал номер – единственно верный, выбранный Порватом и его друзьями.

Когда три цифры были набраны, он протянул руку и потряс плечо Джонни. Мальчик не хотел просыпаться, стонал и пытался вырваться. Затем попробовал отвернуться. Клай не позволил ему этого сделать.

– Джонни! Джонни-Пони! Просыпайся!

Он стал трясти сильнее, и продолжал, пока мальчик, наконец, не открыл пустые глаза и не посмотрел на него с осторожной, правда, не человеческой заинтересованностью. Взгляд, который получаешь от собаки, с которой плохо обращались, и сердце Клая разбивалось каждый раз, когда он видел его.

Последний шанс, подумал он. Ты действительно намерен сделать это? Шансы едва ли один к десяти.

Но каковы были шансы, что он найдет Джонни? Джонни, покидающего стаю Кашвакамака перед взрывом? Один из тысячи? Из десяти тысяч? Не собирается же он жить с этим подозрительным, но безразличным взглядом, когда Джонни будет тринадцать, затем пятнадцать, затем двадцать один? Как долго его сын будет спать в чулане и срать на задворках?

«По крайней мере, мы хоть что-то сделали», – сказала Алиса Максвелл.

Он посмотрел на экран над клавиатурой. Цифры 911 выступили ярко и отчетливо, как приговор судьбы.

Глаза Джонни закатились. Клай левой рукой снова резко встряхнул его, не позволяя опять погрузиться в сон. Большим пальцем правой он нажал на кнопку дозвона. Хватило времени сосчитать: Миссисипи-раз и Миссисипи-

два, прежде чем маленький освещенный экран телефона показал соединение. Когда это произошло, Клэйтон Риддел не позволил себе думать.

- Эй, Джонни-Пони, - сказал он, - те-те к тел-тел,
- и прижал мобильник к уху сына.

© Перевод Локи, 2006